

Гостиница. Ги де Мопассан. (сборник «Орля», Париж, 1887 год)

Подобно всем деревянным альпийским гостиницам, разбросанным у подножия ледников, в скалистых и обнаженных проходах, разделяющих белые вершины гор, гостиница Шваренбах служит пристанищем путешественникам, пересекающим перевал Гемми.

Шесть месяцев в году ею управляет семья Жана Хаусера; затем, когда в долине скапливается снег и делает спуск к Лейку невозможным, женщины, отец и его три сына покидают дом, оставляя охранять его старого гида Гаспара Хари, молодого гида Ульриха Кунси и Сама, большую собаку.

В этой снежной пустыне двое мужчин и животное остаются до весны, не видя ничего, кроме огромного и белого склона Балмхорна; окруженные бледными, сияющими вершинами; запертые, зажатые, погребенные под снегом, который окружает их, обволакивает, сжимает, сдавливает маленький дом; скапливается на крыше, поднимается до окон и замуровывает дверь.

В тот день семья Хаусер собиралась обратно в Лейк, так как приближалась зима и спуск становился опасным.

Вперед двинулись три мула, груженные тюками и сумками, которыми управляли трое сыновей. Затем мать, Жанна Хаусер, и ее дочь Луиза сели на четвертого мула и тоже отправились в путь.

Отец следовал за ними вместе с двумя сторожами, которые должны были сопровождать семью до начала спуска.

Они обошли вначале вокруг маленького озера, промерзшего до дна в каменистом провале перед таверной, и двинулись по белой, как простыня, долине, окруженной со всех сторон снежными вершинами.

Волна солнечного света лилась на эту сияющую и ледяную белую пустыню, воспламеняла ее ослепляющим и холодным огнем; в этом горном океане не было ни следа жизни; в безграничном одиночестве - ни малейшего движения; ни один звук не нарушал глубокого безмолвия.

Мало-помалу длинноногий швейцарец, молодой гид Ульрих Кунси, опередил отца Хаусера и старого Гаспара Хари, чтобы догнать мула, везущего двух женщин.

По мере того, как он приближался, та, которая была помоложе, не переставала бросать грустные взгляды в его сторону. Это была маленькая светловолосая крестьяночка, с молочно-белой кожей и тусклыми волосами, которые, казалось, потеряли все краски от постоянного проживания среди льдов.

Догнав везущее ее животное, он положил ему руку на холку и замедлил шаг. Мать Хаусер, обратившись к нему, принялась перечислять с бесконечными подробностями все наставления по зимовке. Это должно было стать его первым пребыванием наверху, тогда как старый Гари уже пережил четырнадцать зим в снегах таверны Шваренбах.

Ульрих Кунси слушал ее слова, не понимая значения, и без конца смотрел на молодую девушку. Время от времени, он отвечал: "Да, госпожа Хаусер". Но его мысли казались далеко, и лицо было застывшим.

Они достигли Даубензее, длинная замерзшая плоская поверхность которого тянулась до конца долины. С правой стороны виднелись черные скалы Дауберхорна, ошестинившиеся среди огромных морен ледника Леммерн, над которым властвовал Вильдштубель.

Когда они приблизились к перевалу Гемми, с которого начинался спуск до Лейка, перед ними открылась необозримая панорама Валлийских Альп, отрезанных от них глубокой и широкой долиной Роны.

Вдали виднелось множество не похожих друг на друга белых вершин, то пологих, то заостренных, сияющих под солнцем: двурогий Мишабель, мощный массив Вайсхорна, тяжелый Бруннегхорн, опасная и высокая пирамида Маттерхорна и Дан-Бланш - чудовищная кокетка.

Под ними, в огромной брешу, в глубине страшной пропасти, они увидели Лейк с его маленькими домиками, похожими на песчинки, разбросанные по огромной расщелине, обрывающей перевал Гемми, и открывающей путь в долину Роны.

Мул остановился у начала тропинки, которая извивалась бесконечно-фантастическим серпантином вдоль горного отвесного склона, к почти невидимой деревушке у его подножия. Женщины спрыгнули на снег.

Двое стариков присоединились к ним.

- Что же, - сказал отец Хаусер, - счастливо. Держитесь. Увидимся в следующем году, друзья.

Отец Хари повторил за ним:

- Увидимся в следующем году.

Они поцеловались. Госпожа Хаусер тоже приблизила щеки для поцелуя, а за ней последовала молодая девушка. Когда наступила очередь Ульриха Кунси, он прошептал на ушко Луизе: "Не забываете о тех, кто наверху". Она ответила: " Нет", - так тихо, что он скорее догадался, чем услышал ее.

- Что ж, пойдем. Прощайте, - повторил Жан Хаусер, - будьте здоровы.

И, обогнав женщин, он начал спуск.

Вскоре все трое исчезли за первым поворотом дороги. Двое мужчин вернулись в гостиницу Шваренбах. Они медленно шли, не произнося ни слова. Все было кончено, им предстояло оставаться наедине друг с другом четыре или пять месяцев.

Гаспар Хари принялся делиться воспоминаниями о предыдущей зиме. Он пережил ее с Мишелем Канол, который теперь стал слишком старым для подобного дела: любое несчастье может случиться во время долгого одиночества. Им не пришлось скучать:

самым главным было принять все как есть в первый же день; развлечения, игры, всевозможные занятия изобретались сами-с собой.

Ульрих Кунси слушал его, опустив глаза, представляя мысленно тех, кто спускались в деревню по изгибам Гемми.

Вскоре они увидели гостиницу, едва заметную, миниатюрную черную точку в гигантской волне снега.

Когда они открыли дверь, Сам, большая лохматая собака, принялся носиться по комнате.

- Пошли, сынок, - сказал старый Гаспар, - больше у нас нет хозяйки, надо приготовить ужин. Ты будешь чистить картошку.

И они начали готовить суп, сев на деревянные стулья.

Следующее утро показалось непривычно долгим Ульриху Кунси. Старый Хари курил и плевался в печку, в то время как молодой смотрел на ослепительную гору напротив дома.

Он вышел после обеда и, повторяя вчерашний маршрут, вглядывался в следы копыт, оставленные мулом, везшим двух женщин. Когда же он дошел до перевала Гемми, то лег на живот у края пропасти и долго смотрел на Лейк.

Деревня в скалистом колодце еще не была погребена под снегом: он уже почти подобрался к ней, но был внезапно остановлен хвойным лесом, защищавшим ее окраины. Низенькие домики казались рассыпанными по полю булыжниками.

Маленькая Хаусер была где-то там, в одном из серых строений. В каком? Ульрих Кунси находился слишком далеко, чтобы различить их по отдельности. Как ему хотелось спуститься, пока это было еще возможно!

Но солнце исчезло за большой вершиной Вильдштубеля, и молодой человек вернулся. Отец Хари курил. Увидев, что его спутник возвращается, он предложил сыграть карточную партию, и они сели за стол.

Они долго играли в простую игру под названием "бриск"; затем поужинали и легли спать.

Последующие дни были похожими на первый, светлыми и холодными, без снегопада. Старый Гаспар проводил послеобеденные часы, наблюдая за орлами и другими редкими птицами, которые отваживались подняться к обледенелым вершинам. Ульрих же часто возвращался на перевал Гемми, чтобы посмотреть на деревню. Потом они играли в карты, в кости, в домино, выигрывали и проигрывали маленькие вещицы, чтобы поддержать интерес.

Однажды утром Хари, вставший первый, позвал своего спутника. На них безмолвно надвигалось облако белой пены, глубокое и легкое, медленно погребая их под толстой и плотной периной. Это длилось четыре дня и четыре ночи. Им пришлось очистить

дверь и окна, вырубить проход и вытесать ступеньки, чтобы выбраться из ледяной крошки, ставшей за двенадцать часов мороза тверже гранитных морен.

Теперь они жили как пленники, больше не отлучаясь от дома. Они разделили между собой обязанности и регулярно выполняли их. Ульрих Кунси занимался уборкой, стиркой, всем, что касалось наведения чистоты. Он же колол дрова, в то время как Гаспар Хари готовил еду и поддерживал огонь. Их регулярные и монотонные занятия прерывались долгими карточными партиями или игрой в кости. Они никогда не ссорились, так как оба были спокойными и миролюбивыми. Никогда они не были нетерпеливыми или в плохом настроении и не позволяли себе резких слов, потому что заранее запаслись терпением на весь зимний сезон среди вершин.

Иногда старый Гаспар брал ружье и отправлялся на поиски горных серн; время от времени ему удавалось убить одну. Тогда в таверне Шваренбах наступал праздник - пиршество свежей дичи.

Одним утром он ушел. Термометр показывал восемнадцать градусов мороза. Солнце еще не взошло, и охотник надеялся застать дичь врасплох в окрестностях Вильдштубеля.

Ульрих, оставшись один, валялся в постели до десяти. Он любил поспать, но не решался следовать своим природным желаниям в присутствии старого гида, очень бодрого и рано встающего.

Он медленно позавтракал с Самом, который целыми днями и ночами дремал около очага; затем загрустил, даже испугался одиночества и заскучал по карточной игре, ставшей непреодолимой привычкой.

Он вышел, чтобы двинуться навстречу своему спутнику, который должен был вернуться в четыре часа.

Снег выровнял всю глубокую долину, засыпав проломы, стерев озера, облепив скалы, превратив ее в необъятный ровный, белый, ослепляющий и обледеневший чан.

Три недели Ульрих не возвращался к краю пропасти, с которого смотрел на деревню. Ему захотелось сходить туда снова, прежде чем подниматься по склону в сторону Вильштубеля. Лейк теперь тоже был засыпан снегом, и домики казались совсем неразличимыми, погребенными под тусклым покрывалом.

Затем, повернув направо, он двинулся к леднику Леммерн. Он двигался большими шагами горца, втыкая альпеншток в затвердевший, как камень, снег. Острым взглядом искал маленькую черную точку,двигающуюся на этом безграничном пятне.

Дойдя до края ледника, он остановился, спрашивая себя, точно ли старик отправился по этой дороге; затем двинулся вдоль морен более быстрым и взволнованным шагом.

День заканчивался; снега розовели; сухой и морозный ветер обдувал внезапными порывами их хрустальную поверхность. Ульрих издал пронзительный, вибрирующий, долгий крик. Его голос улетел в мертвую тишину спящих гор, унесся вдаль, над

неподвижными и глубокими волнами ледяной пены, как голос птицы над волнами моря; затем он затих, и ничто не ответило ему.

Он двинулся вперед. Солнце было зажато там, среди вершин, розовеющих в небесном освещении, но углубления долины постепенно серели. Молодому человеку вдруг стало страшно. Ему показалось, что тишина, холод, одиночество, зимнее оцепенение гор пытаются проникнуть в него, чтобы остановить и заморозить кровь, отвердить члены, превратить его в неподвижное и ледяное существо. Он бросился бежать в сторону жилища. Вдруг старик вернулся во время его отсутствия. Может он шел по другой тропе и сидит сейчас у огня, а в его ногах лежит убитая серна.

Вскоре он увидел гостиницу. Дыма не было заметно. Ульрих побежал быстрее, открыл дверь. Сам радостно бросился навстречу, но Гаспара Хари не было.

Испуганный Кунси озирался по сторонам, как будто старик мог прятаться в каком-то углу. Потом он зажег огонь и приготовил суп, еще надеясь, что старик вернется.

Время от времени он выходил посмотреть, не появится ли Гаспар. Наступила ночь, мертвенная горная ночь, тусклая, бледная ночь, освещенная на краю горизонта желтоватым серпом, готовым упасть за горные вершины,

Затем молодой человек заходил обратно, садился и согревал руки и ноги, думая о всевозможных несчастных случаях.

Гаспар мог сломать ногу, упасть в яму, оступиться и вывихнуть щиколотку. Он лежал в снегу, скованный, заочевневший от холода, в отчаянии, кричащий, потерянный, возможно, зовущий на помощь в молчании ночи.

Но где? Горы были такими бескрайними, такими суровыми и опасными, что десять или двадцать проводников могли бы бродить здесь восемь дней по всем направлениям и не найти человека в этой необъятности.

Ульрих Кунси решил выйти вместе с Самом, если Гаспар Хари не вернется к полуночи или часу ночи.

Он приготовился: положил в сумку провизию на два дня, взял стальные кошки, намотал вокруг себя длинную, тонкую и крепкую веревку, проверил прочность альпенштока и тесака для вырубki ступенек во льду. Затем он стал ждать. Огонь горел в печке; большой пес храпел при свете пламени; часы мерно тикали, как сердце, в деревянном звучном футляре.

Он ждал, прислушиваясь к далекому шуму, трепеща, когда легкий ветер обдувал крышу и стены.

Пробило полночь, он вздрогнул. Чувствуя себя взволнованным и испуганным, поставил кипятить воду, чтобы выпить горячего кофе перед дорогой.

Когда часы пробили час ночи, он поднялся, разбудил Сама, отворил дверь и двинулся в сторону Вильдштубеля. Пять часов он поднимался, опираясь на скалы своими кошками, вырубая лед, непрерывно двигаясь вперед и подтягивая иногда на веревке

собаку, застрявшую у особо крутого обрыва. Было около шести часов, когда он наконец добрался до одной из вершин, где старый Гаспард часто охотился на серн.

Он дождался восхода солнца.

Небо казалось тусклым; вдруг странный, непонятно откуда взявшийся отблеск неожиданно осветил необъятный океан бледных вершин на сто лье вокруг. Казалось, что эта непонятная ясность исходила из самого снега, чтобы разлиться в пространстве. Постепенно самые далекие высокие горы приобрели нежно-телесный розовый оттенок, и красное солнце выглянуло из-за тяжелых великанов бернских Альп.

Ульрих Кунси отправился дальше. Он двигался как охотник, сгорбившись, выискивая следы, приказывая собаке: "Ищи, лохматый, ищи".

Теперь он спускался с горы, всматриваясь в провалы и иногда издавая призывный, долгий крик, слишком быстро исчезающий в немой бескрайности. Он прижимался ухом к земле и вслушивался; когда ему казалось, что он различает чей-то голос, бросался бежать, снова кричал, но ничего больше не слышал и садился, усталый, в отчаянии. Около полудня он пообедал и накормил Сама, такого же усталого, как и он сам. Затем продолжил поиски.

Когда наступил вечер, он еще был в пути, пройдя не менее пятидесяти километров по горам. Так как он находился слишком далеко от дома, чтобы вернуться, и слишком устал, чтобы двигаться дальше, то выкопал яму в снегу и устроился в ней вместе с собакой, накрывшись взятым с собой покрывалом. Они легли спать, прижавшись друг к другу, человек и животное, согревая друг друга своим телом и, несмотря на это, промерзшие до костей.

Ульрих так и не смог уснуть: перед ним проносились видения, его руки и ноги дрожали от холода.

Перед восходом он снова поднялся. Ноги заоченели, как будто были сделаны из железа, дух настолько ослабел, что он был готов кричать от отчаяния, а сердце билось так сильно, что он чуть не падал от волнения, едва услышав какой-то шум.

Он внезапно представил себя умирающим от холода в этом одиночестве, и страх подобной смерти, придав ему энергии, пробудил в нем мужество.

Он стал спускаться к гостинице, падая и снова поднимаясь; Сам следовал за ним, хромя на трех лапах.

Они добрались до Шваренбаха только к четырем часам после полудня. Дом был пуст. Молодой человек зажег огонь, поел и заснул, изможденный до такой степени, что уже больше не мог ни о чем думать.

Он спал долго, очень долго непробудным сном. Вдруг чей-то голос, крик, имя "Ульрих" встряхнуло его глубокое онемение и заставило подняться. Было ли это во сне? Шла ли речь об одном из странных позывов, возникающий во снах беспокойных душ? Нет, он еще слышал этот вибрирующий крик, пронзивший его плоть до кончиков нервных

пальцев. Несомненно, кто-то кричал, кто-то звал его: "Ульрих!". Кто-то был там, недалеко от дома. Он больше не сомневался.

Он открыл дверь и закричал изо всех сил: "Это ты, Гаспард!".

Никто ему не ответил; не было ни звука, ни шепота, ни стога, ничего. Была ночь. Тускнел снег.

Поднялся ветер, ледяной ветер, разбивающий камни и не оставляющий ничего живого на опустошенных высотах. Его резкие порывы были более сжигающими и смертельными, чем огненный ветер пустыни. Ульрих снова закричал: "Гаспар! - Гаспар! - Гаспар!".

Затем он подождал. Горы были такими же безмолвными, как прежде. И тогда ужас охватил его до костей. Он бросился назад в гостиницу, закрыл дверь, запер ее на замок, и, дрожа, упал на стул, уверенный в том, что товарищ позвал его в тот момент, когда душа его расставалась с телом.

Он был уверен в этом так, как люди уверены в том, что живут или едят хлеб. Старый Гаспар Хари бился в агонии два дня и три ночи в какой-то дыре, в одном из глубоких снежных провалов, белизна которых мрачнее сумерек подземелий. Он умирал в агонии два дня и три ночи и только что скончался, думая о своем спутнике. И душа его, освободившись, полетела к гостинице, в которой ночевал Ульрих, и возвала к нему благодаря той мистической и страшной силе, которой обладают души умерших, овладевающих живыми. Эта безголосая душа закричала в беспокойной душе спящего; передала ему свое последнее прощание, или упрек, или же проклятие тому, кто искал недостаточно.

И Ульрих чувствовал ее присутствие там, совсем близко, за стеной, за запертой дверью. Она носилась там, как ночная птица, которая бьется перьями об освещенное окно; и отчаявшемуся молодому человеку хотелось выть от ужаса. Ему хотелось убежать, но он не решался выйти наружу, не решался сейчас и больше никогда не решится, так как пока тело старого проводника не будет найдено и погребено в освященной кладбищенской земле, призрак будет днем и ночью витать вокруг гостиницы.

Наступил день, и Кунси немного приободрился при виде сверкающего солнца. Он приготовил еду, дал собаке суп и неподвижно, с измученным сердцем, просидел весь день на стуле, думая о старике, лежащем в снегу.

Когда же ночь снова спустилась на горные вершины, ужасы снова начали осаждать его. Он кружил в темноте кухни, едва освещенной пламенем свечи, из одного угла помещения в другой, большими шагами, все прислушиваясь, не пронзит ли печальную тишину страшный крик предыдущей ночи. И чувствовал себя одиноким, как никто на свете! Он был один-одинешенек в этой бесконечной снежной пустыне, один на высоте в две тысячи метров над обитаемой землей, над человеческим жильем, над человеческой жизнью, которая движется, шумит и трепещет, - один в ледяном небе! Его охватывало безумное желание спастись любой ценой, добраться до Лейка, сбросившись в пропасть, но он не осмеливался открыть дверь, уверенный в том, что тот, умерший, преградит ему дорогу, чтобы не оставаться в одиночестве наверху.

Около полуночи, устав от ходьбы, трясаясь от тоски и страха, он наконец задремал на стуле, опасаясь кровати как проклятого места.

И вдруг в ушах раздался пронзительный крик прошлого вечера, настолько истошный, что Ульрих вытянул руки, чтобы оттолкнуть пришельца с того света и упал на спину вместе со стулом.

Сам, разбуженный шумом, начал выть, как воют испуганные псы, и завертелся по жилищу в поисках места, из которого исходила опасность. Оказавшись около двери, он стал внюхиваться, с силой вдыхая и выдыхая воздух, ощетинившись, подняв хвост торчком и рыча.

В ужасе Кунси, поднявшись и держа стул за ножку, закричал: "Не входи, не входи, не входи, или я убью тебя". И пес, раздраженный угрозой, яростно залаял на невидимого врага, которому его хозяин бросал свой вызов.

Постепенно Сам успокоился и снова улегся у очага, но все еще казался обеспокоенным, с поднятой головой, сверкающими глазами и рыча сквозь клыки.

Ульрих пришел в себя, обессиленный от ужаса, отыскал в буфете бутылку водки и выпил несколько стаканов. Его мысли затуманились, но мужество окрепло: огненная лихорадка разлилась по венам.

Следующим утром он не ел ничего и пил только спиртное. В течение нескольких дней он предавался пьянству, как скотина. Как только его мысли возвращались к Гаспару Хари, он снова принимался пить, пока не падал на пол, подкошенный хмелем. И оставался валяться лицом вниз, мертвецки пьяный, раскинув руки и ноги, храпя и прижимаясь лбом к полу. Едва ему удавалось переварить одурманивающую и жгучую жидкость, тот самый крик: "Ульрих!", - возвращался и пронизывал ему череп, как пуля; и он поднимался, шатаясь и вытягивая руки, чтобы не упасть, зовя Сама на помощь. Пес, который, казалось, стал таким же безумным, как хозяин, бросался на дверь, царапал ее когтями, грыз ее длинными белыми зубами, тогда как молодой человек, задрав голову, как в тумане, глотал спиртное огромными глотками, словно свежую воду после бега, чтобы снова заглушить мысли, и воспоминания, и непрекращающийся ужас.

За три недели он выпил все запасы алкоголя. Это бесконечное пьянство только приглушило ужас, вырвавшийся затем на свободу так яростно, что невозможно было успокоить его. Навязчивая идея, раздраженная месяцем беспробудного пьянства и непрерывно укрепляющаяся в абсолютном одиночестве, вонзалась в него, как штопор. Он блуждал по дому, как зверь в клетке, прижимаясь ухом к двери, чтобы услышать, там ли тот, другой, и бросая ему вызов через стену.

Затем погружался в сон, побежденный усталостью, и снова слышал голос, из-за которого вскакивал на ноги.

Однажды ночью, подобно трусу, доведенному до крайности, он наконец бросился к двери и отворил ее, чтобы увидеть того, кто его звал, и заставить его замолчать.

Его ударило в лицо холодным порывом ветра, пронзившего до костей, он запер дверь и опустил засов, не заметив, что Сам выскользнул наружу. Дрожа, добавил полено в огонь и сел рядом, чтобы согреться, но внезапно затрясся, так как кто-то скреб стену и плакал.

В ужасе он закричал: "Уходи!". Ответом был долгий и болезненный стон.

И тогда все, что осталось в нем разумного, было раздавлено ужасом. Он повторял: "Уходи", - тщетно пытаясь найти угол, в котором мог бы спрятаться. Тот, другой, непрерывно плача, двигался вдоль дома и терся о стену. Ульрих бросился к дубовому буфету, забитому посудой и провиантом, и, приподняв его нечеловеческим усилием, дотянул до двери, чтобы соорудить преграду. Взгромоздив друг на друга остатки мебели, матрасы, подстилки, стулья, забаррикадировал окно, как это делается при нападении врага.

Тот, снаружи, принялся издавать протяжные печальные вопли, на которые молодой человек отвечал подобными же воплями.

Проходили дни и ночи, но они не переставали кричать. Один кружил без конца вокруг дома и царапал стену когтями с такой силой, что, казалось, хотел снести ее; другой, внутри, следил за всеми его движениями, согнувшись, прижавшись ухом к двери, и отвечал на каждый его зов невообразимым криком.

Однажды вечером Ульрих, ничего больше не услышав, сел, настолько охваченный усталостью, что сразу же заснул.

Он проснулся без воспоминаний, без мыслей, как будто его голова проветрилась во время тяжелого сна. Он был голоден и поел.

Зима закончилась. Перевал Гемми вновь открылся, и семья Хаусер собралась в дорогу к таверне.

Когда они достигли вершины подъема, женщины уселись на мулов и стали беседовать о двух мужчинах, которых должны были вскоре увидеть.

Они удивлялись, что ни один из них не спустился несколькими днями ранее, как только дорога стала безопасной, чтобы рассказать о долгой зимовке.

Наконец они увидели гостиницу, еще облепленную снегом. Дверь и окно были закрыты, слабый дым выходил из трубы, что успокоило отца Хаусера. Но, приблизившись, он увидел на пороге останки животного, расклеванного орлами, - большой, лежащий на боку, скелет.

Его внимательно осмотрели. "Это, должно быть, Сам", - сказала мать. Она позвала: "Эй, Гаспар". Изнутри раздался истошный крик. Казалось, его издало животное. Отец Хаусер повторил: "Эй, Гаспар". Снова раздался крик, похожий на предыдущий.

Трое мужчин, - отец и двое сыновей, - попытались открыть дверь. Она не поддавалась. Они нашли в пустой конюшне длинную балку и ударили ею со всей силы как тараном. Дерево закричало, поддалось, разлетелось на обломки. Страшный шум потряс весь

дом, они увидели внутри, за упавшим буфетом, мужчину, с волосами до плеч и бородой, доходившей до груди, со сверкающим взглядом и телом, едва прикрытым лохмотьями.

Они не узнали его, но Луиза Хаусер закричала: "Мама, это Ульрих!". И мать признала в нем Ульриха, несмотря на то, что его волосы стали совершенно седые.

Он позволил им зайти, позволил прикоснуться к нему, но не отвечал на вопросы; пришлось вести его в Лейк, где врачи признали его умалишенным.

Никто так никогда и не узнал, что случилось с его товарищем.

Маленькая Хаусер чуть не умерла в то лето от продолжительной болезни, виновником которой посчитали горный холод.